

Ex ERGO LIBRIS

С.Ф. Сироткин

ЗАМЕТКИ ПО МЕТАПСИХОЛОГИИ АГРЕССИВНОСТИ

Цитаты из книги:

«Для ребенка преобразование его первоначальной агрессивности и обретение связей с целостными объектами означает движение к обретению смысла и разрешению жизненных проблем. Победить тревогу — значит перестать бояться наказания от объектов своей агрессии; смириться с мыслью о смерти — значит направить энергию разрушения на разрушение признаков смерти в мире; преодолеть чувство неполноценности — значит отказаться от разрушительного эгоистического стремления к всемогуществу; стремиться к доброте и моральности — значит идти от агрессии внутреннего запрета на агрессию к пониманию себя; разрешить учебные затруднения — значит снять агрессивно-защитную маску с вытесненного любопытства».

«Понятие влечения к смерти вбирает в себя идею консерватизма влечений, их повторяемости и стремления к минимизации энергии, фактически, к исчерпанию себя. Собственно, влечение к смерти — это не влечение в том смысле активности, экстратенсивности, объектного разнообразия, которое характерно для влечений к жизни. Влечение к смерти не видимо, действует внутри субъекта, как стягивающая сеть, стабилизирующий контур, как цикл возвращения к себе в предельной точке своего умирания-рождения. Но влечение к смерти — это влечение, в том смысле, что оно интенционально, это векторная сила, противопоставленная влечениям к жизни как вытеснение, как сдерживание их беспрепятственного истечения. Это попытка удержать минимизированное состояние Ψ-системы и это не смерть. Это состояние покоя, отдыха, паузы в психической деятельности, это галлюцинация по поводу отсутствия желаний. Смерть же Ψ-системы — это прерывание притока энергии в систему галлюцинаторного равновесия (такого, например, как сон), где властвуют влечения к смерти; это отсутствие энергии как для влечений к жизни (экстратенсивных), так и для их вытеснения (влечений интратенсивных)».

«Проявленный на различных уровнях рефлексии интерес к проблеме агрессивности позволяет говорить о необходимости конституирования междисциплинарной сферы знания — агрессологии. Агрессологию можно определить как науку о причинах, механизмах, формах и последствиях проявления разрушительных тенденций в человеке (агрессивности). Агрессивность, в свою очередь, — это комплексное свойство психического, связанное с разрушением объекта. Комплексность подразумевает представлен-

ность тенденций агрессивности на различных уровнях организации индивидуальности. Понятие разрушения (в отличие от ущерба) не несет в себе этической нагрузки и может быть как деструктивным, так и конструктивным. Понятие объект включает в себя любые предметы внешнего мира, человека, живое или не живое, внутренние образы, представления и т. д., т. е. объектом агрессивности является нечто, что по какой-либо причине целесообразно для субъекта».

«Агрессия же — по меньшей мере то, что и феноменологически, и метапсихологически понимается под этим, является таким выражением субъекта, которое имеет своим источником не внутреннее и не внешнее, но собственно его границу, будучи одновременно действием, осуществляемым в границе субъекта, по поводу его границы и через эту границу. В своей защитной функции агрессия удерживает противостояние внутреннего и внешнего, делая одно более ценным по отношению к другому, таким образом, делая более ценное «своим собственным» для претерпевающего субъекта, создавая в этом проживании идентичность индивида. В своей нападающей функции агрессия раздвигает границы индивидуального существования, осуществляет захват объектов для заедствования различных влечений индивида, происходит о-свое-ние, т. е. придание статуса внутреннего, своего, захваченным объектам. Такое новое при-над-лежание обеспечивает индивиду идентичность в динамическом и экономическом смысле».

«Женское существует на грани жизни и смерти, конструктивного и деструктивного, творения, создания — разрушения и уничтожения. «Изнаночные репрезентации» (термин С. Зимовца) женщины, связанные с кровью, порождают ощущения всеобладания и всемогущества (образ фаллической матери). Это проявляется в переживании возможности женщины, с одной стороны, родить ребенка, то есть дать начало новой человеческой жизни. С другой стороны — уничтожить своего ребенка. Женщина сама становится границей жизни — смерти и легко высвобождает сексуальные влечения и влечение к смерти. Само недопущение возникновения новой жизни (контрацепция) без экстремальности аборта — есть свободное проявление влечения к смерти, свободная воля потенциальной матери. Один из фундаментальных женских фантазмов — фантазм об одиночестве. Этот фантазм более архаичен, нежели фантазм о фаллической кастрации, характерный для мужчины. Он проявляет себя в ощущении пустоты, страхе одиночества; является отражением абсолютного преморбидного женского нарциссизма. Аборт, «разглаживающий» внутреннее пространство женщины, актуализирует фантазм одиночества. Возникающая поверхность женской репрезентации не способна удержать никакие смыслы, скользкие по ней, т. е. не означает ничем, кроме глобальной пустоты. Это не отсутствие фаллоса, это отсутствие «ничего», отсутствие «отсутствия», — это предельная женственность».

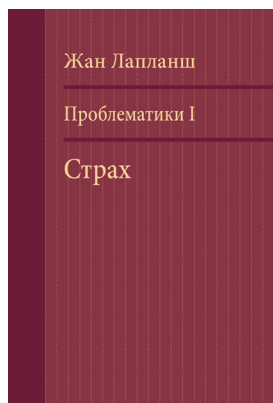
ЗАМЕТКИ
ПО МЕТАПСИХОЛОГИИ
АГРЕССИВНОСТИ

С.Ф. Сироткин

БИБЛИОТЕКА АГРЕССОЛОГИИ

ISBN 978-5-98904-214-2
84×108 1/32
272 с., обложка

Жан Лапланш
ПРОБЛЕМАТИКИ I
СТРАХ

ISBN 978-5-98904-192-3
60x90 1/16
XIV, 386 с., обложка

Отец. — Но это неправда!
Ганс. — Нет, это правда, ты злишься, я это знаю. Это, должно быть, правда»¹.

ЕСЛИ ОТЕЦ НЕ СТРАШНЫЙ, НУЖНО СДЕЛАТЬ ЕГО ТАКИМ

Отец настаивает здесь на том направлении, которое ближе ему, на направлении, точно противоположном настойчивости Ганса: он хочет доказать, что он действительно не страшный, тогда как все усилия Ганса заключаются в том, чтобы сделать его таким. Мы обнаруживаем именно то, что отцовская угроза вырисовывается, так сказать, «из пустоты» в реальности ситуации, что в каком-то смысле фобический симптом заполняет эту пустоту.

3. Тема лошадей *больших и тяжелых* очень скоро дополняется²: это не только большие и тяжелые лошади, но и лошади, которые везут большие тяжело нагруженные повозки и лошади, которые производят «топот» ногами, особенно когда падают. Следовательно, нужно добавить:

большие нагруженные повозки
производят топот по земле
ногами.

Очень скоро мы замечаем (Ганс здесь действительно ведет игру), что две бессознательные темы связаны с тем, что повозки и сами лошади большие, тяжелые, падают, производят шум:

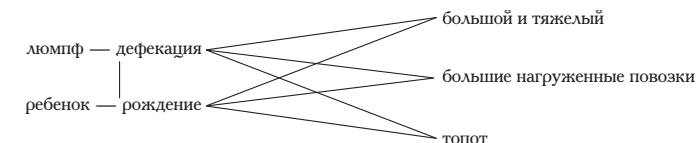
— *тема беременности*; повозки и лошади нагружены детьми и могут родить, как родила мама незадолго до этого маленькую Анну. Ганс повторяет народный миф об аисте (который ему рассказали, чтобы объяснить рождение маленькой Анны), но он делает это очень комично. Он выдумывает, смеясь над этим мифом, и сам создает из него другой, смешивая реальное и ирреальное: маленькая Анна, привезенная на повозке в сундуках, уже присутствующая, в то время как она еще не родилась. Короче, он прекрасно демонстрирует свое понимание того факта, что мать была беременна, и факта родов;

¹ Ibid. P. 151. [Ibid. S. 318.]

² Ср.: Ibid. P. 125–126. [Ibid. S. 286.]

— *тема экскрементов*, то есть повозки и особенно эти тяжело нагруженные лошади нагружены также экскрементами, которые Ганс называет «люмпф».

Он постоянно сближает рождение и дефекацию, ребенка и экскременты согласно обычным символическим уравнениям, к которым Фрейд нас приучил и которые означают, что понимание рождения почти обязательно проходит для ребенка через анальную, экскрементальную теорию. Мы имеем примерно следующее:

По этому поводу проясняется также загадка, которая была относительно плохо или неудовлетворительно решена: загадка черного верх пасти лошадей, которую Фрейд в момент догадки связал с усами и пенсне отца. Однако в то же время (это поразительный пример сгущения в симптоме) эта чернота на носу лошади сравнивается (и весьма удовлетворительно, на этот раз для Ганса, поскольку он создает эту интерпретацию и он ее принимает) с «люмпф» и черными трусиками матери, сами черные трусики связаны с дефекацией как ее символ.

ПОДЦЕПИТЬ СИМПТОМ, ПОДЦЕПИТЬ РЕБЕНКА

Еще представлены другие бесчисленные связи, я упоминаю только две из них из-за своеобразия типа ассоциаций.

- Полисемия, которая связывается с действием падения и передающими его словами: «падать» — это падение лошади-отца, который может пораниться, или маленькой Анны, которую мать могла бы «уронить» в ванной. Но это также факт рождения и родов, сбросить: *niederkommen*.

- Глагол *kriegen* обозначает получать, добывать, подцепить. Этот глагол используется Гансом для: подцепить симптом, подцепить «глупость». Здесь Ганс получает весь симптом целиком как объект. Но в то же время *kriegen* — это одно из выражений,

ЗАКАЗ КНИГ

Заказ на приобретение книг «ERGO»
направляйте на email:
market@ergo-izhevsk.ru